ФОЛЬКЛОР / FOLKLORE

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРНО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ СВЯЗИ / FOLKLORE AND LITERARY-FOLKLORE TIES

И. Н. Райкова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия
Nikolavna@inbox.ru

ДЕТИ И ВЗРОСЛЫЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ (ПО ПОЛЕВЫМ ЗАПИСЯМ)

В основу статьи положены полевые материалы, собранные преподавателями и студентами Московского городского педагогического университета и сотрудниками Государственного республиканского центра русского фольклора в совместных научных фольклорно-этнографических экспедициях последних лет – в Шарьинский и Нерехтский районы Костромской области [Архив МГПУ и ГРЦРФ]. В качестве контрольного материала привлекается детский фольклор в записях Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова 1990-х гг., сделанных в той же области [Ветлужская сторона, 1996, Ветлужская сторона, 2001, Чухломской фольклор 2012].

В нашей экспедиционной работе при опросах о традиционной культуре детства и проблеме, обозначенной в заглавии статьи, использовались два вопросника: классический филологический вопросник по детскому фольклору [Фольклорная практика 2012: 35–48] (который понимается нами вслед за О. И. Капицей, Б. М. и Ю. М. Соколовыми, В. П. Аникиным, Э. В. Померанцевой, М. Н. Мельниковым, А. Н. Мартыновой, М. Ю. Новицкой, С. М. Лойтер, М. П. Чередниковой и др. широко – как поэзия пестования и собственно детское творчество[1]) и экспериментальный вопросник[2], охватывающий гораздо более широкий спектр тем,

[1] Подробнее об объеме и границах понятия «детский фольклор» и проблеме его классификации см. [Райкова 2011].
[2] Впервые публикуется в Приложении к настоящей статье.

но предполагающий «выходы» в детскую традицию, в том числе поэтическую, рассматривающий ее в контексте[3].

При этом еще раз подчеркнем известную всем полевым фольклористам истину: каким бы детальным и логичным ни был вопросник, во-первых, всё спрогнозировать невозможно (а что такое вопросник, как не структурированный прогноз?), потому что традиция не схема, во-вторых, самые интересные вещи звучат, когда исполнитель что-то вспоминает вдруг, по случайной ассоциации со словом, с внешним видом собирателя и т. п., когда говорит «*это не пиши, это я так…*» или когда группа исполнителей начинает общаться между собой, вовсе не обращая внимания на собирателя.

Например, невозможно было предвидеть, что старенькая бабушка в конце долгой беседы о детстве вдруг скажет: «*А я ведь нерусская по папе!*». И поведает, что ее отец – из пленных австрийцев, в Костромской обл. с 1917 года, 45 лет прожил в России, но так и не смог к ней привыкнуть, хотя все вокруг его уважали. И далее – ее детский, выхватывающий отдельные детали, взгляд на папу, не такого, как все: его раздражала русская грязь, необязательность (говорил: «*русский скажет сей час, а сам сделает через семь часов*»), он истово молился на коленях перед иконой, а по праздникам активно угощал гостей вином, а сам только делал вид, что пьет (Зап. от Нины Павловны Жолобовой, 1921 г.р. С. Лаврово, Нерехтский р-н. Соб. И. Н. Райкова. 2012 г.). Или неожиданное воспоминание о детском страхе нашей другой собеседницы (после вопроса, пугали ли ее чудищами): она боялась вовсе не чудища, а «*курчавой головы боялася…* <Соб: Почему?> *Одного парня, в деревне всё ходил. Молоко… у нас в деревне-то маслозавод был, молоко из деревень возили. Вот обязательно мать пошлёт его, а голова-то курчавая, так всё завитушки – вот, курчавой головы боялася.* <Соб: А почему?> *Маленькая была, дак… Боялася, и всё! Как только где взвижу, бежу к маме: "Ой, мама, он опять идёт, опять идёт!" – "Дак ничего, глупая, он тебе не сделает". А у него на голове-то всё завитушки… Вот, маленькие всего ведь боялися…*» (Зап. от Зинаиды Николаевны Хомовой, 1926 г.р. С. Одоевское, Шарьинский р-н. Соб. Л. Мориц, А. Склизкова. 2011 г.). Подразумевается, очевидно: всего странного, выделяющегося из общего ряда.

Интересны не лишенные иронии в адрес собирателей рассуждения пожилых людей о том, о чем не принято рефлек-

[3] Подробнее см. [Райкова 2012].

тировать – естественности продолжения рода и воспитания в семье, ценности многочадия, наличия детей обоего пола: «<Соб.: Сколько вас в семье было детей?> *Я, милая, десятая! Вот как, не как нынче: захотели одного родили, а не захотели – и одного не надо*»; «<Соб.: А кому радовались больше: мальчикам или девочкам?> *Так это… всем радовались. Они не успевали радоваться… Вот мама, у неё в тридцать три года уже шестые роды были, где тут радоваться было!*»; «<Соб.: А вы помните, как вас воспитывали?> *Раньше-то не воспитывали! Живешь и всё! Народились, и чего больно воспитание! Никакого! <…> Накормили и всё, идите гуляйте!*»; «*Ну, вообще-то детства у нас было сильно мало. Короткое. Мы сразу начали делами заниматься…*»; «<Соб.: А вам в детстве кто-нибудь колыбельные песни пел?> *Так даже если и пели, я не спрашивала, какие они*»; «<Соб.: А на ночь, чтобы спать ложились?> *А спать – нет. Укладывались у нас хорошо они. Побегали – так и уснут. Придёшь с работы, которого где подберёшь: который на полу спит, который под столом, их четверо, дак…*» [Архив МГПУ и ГРЦРФ, зап. от людей 1920–40 гг.р., 2011–2012 гг.].

Собственно поэтических текстов детского фольклора записано немного по сравнению с экспедициями 20-летней давности, впрочем, во многом это объясняется импровизационностью детского фольклора, невозможностью его воспроизведения вне ситуативного контекста, без общения с детьми. Но всё же есть интересные варианты. Например, традиционные колыбельные:

Ты, Серёженька, усни,
Сладкий сон тебя возьми,
Сон по лавочке,
В розовой рубашечке,
Сониха по другой,
Сарафанчик голубой (Зап. от Александры Павловны Комиссаровой, 1941 г.р. Д. Челпаново, Нерехтский р-н. Соб. В. Каратаева, А. Дамирбекова. 2012 г.).

И даже редкие в наши дни тексты с пожеланием младенцу смерти:

О баю-баю-баю,
Не ляжися на краю,
От крайку-ту упадёшь,
Захвораешь и умрёшь.
Захвораешь и умрёшь,
Сошьёт мамка саванок,
Папа сделает гробок,

Бабушка обмоет,

Дедушка зароет (Зап. от Валентины Ивановны Прокофьевой, 1937 г.р. Пос. Рудино, Нерехтский р-н. Соб. В. Каратаева, А. Дамирбекова. 2012 г.).

Исследователи детского фольклора высказывали различные гипотезы о генезисе и семантике данного мотива в колыбельной песне (обзор см., например [Мартынова 1975]). Однако в контексте рассматриваемой локальной традиции «смертные» колыбельные выглядят довольно органично: это лишь следующий логический шаг после различных запугиваний ребенка, о которых говорят многие исполнители (пугали Букой, Бабаем, медведем, волком, лешим, цыганами и др.). Есть интересный случай, когда именно в функции запугивания используется колыбельная песня и песенка из сказки «Медведь на липовой ноге»: «*Раньше волком пугали, если не спят дети: "придет серенький волчок и ухватит за бочок"*. <Соб.: А еще кем детей пугали?> *"По селам спят, по деревням спят, одна Поленька не спит, на моей коже сидит, мою шерстку прядёт – не упрядывает, моё мясо грызет – не угрызывает. Полиночка, отдай мою ногу!"*» (Зап. от Любови Александровны Погодиной, 1927 г.р. Д. Конёво, Шарьинский р-н. Соб. В. Панова, П. Райков)[4]. Из этого текста, кроме того, очевидно, что детская страшилка – прямая наследница сказки и заговора, то есть непроходимой границы между традиционным материнским и собственно детским фольклором нет, а есть плавные переходы, преемственность.

Среди фольклоризованных авторских колыбельных безусловный лидер – лермонтовская «Казачья колыбельная песня». Однако народ не только сокращает и варьирует ее текст, но и меняет ритмический рисунок. Ср. оригинал:

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю…

Устный вариант:

Спи, младенец мой прекрасный,

[4] Вариант песенки без запугивания см. [Чухломской фольклор 2012: 400].

Баю-баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбелочку твою.
Буду сказывать я сказки,
Тебе песенку спою.
Спи, усни, закрывши глазки.
Баю-баюшки-баю (Зап. от Екатерины Викторовны Середнёвой, 1935 г.р. Д. Кокошкино, Нерехтский р-н. Соб. О. Нефедина, А. Юрчук. 2012 г.).

Зато практически от всех собеседников можно было записать эмоциональные рассказы-воспоминания о своем детстве либо о пестовании детей и внуков. Это еще раз доказывает, что детская традиция – не периферия традиционной культуры, а ее магистральная часть, общее достояние, к которому причастен каждый. Костромичи при этом – замечательные рассказчики. Их рассказы образны, содержат общие места, поэтому сами близки фольклорной прозе, к тому же носят диффузный в жанровом отношении характер: часть из них тяготеет к анекдотам, часть к быличкам, они содержат фразеологизмы, паремии, песенки и др.

Рассказы-воспоминания касаются самых разных сторон детско-взрослого взаимодействия в традиции. Это представления о характере семейного родства; взаимоотношения взрослых и детей, детей в семье между собой; социальные роли детей в общении; гендерные различия в детском восприятии; детско-взрослое взаимодействие в производственной и игровой практике (игрушки детям, наблюдения за играми взрослых и старших детей, совместные игры), механизмы вхождения детей в обрядовую практику и многое другое.

Причем, когда мы записываем рассказы пожилых людей об их детстве, получается эффект двойной призмы: взрослый взгляд на себя маленького, воспроизводящий в то же время не столько событийный ряд, сколько свой «тогдашний» детский взгляд на мир, в том числе и мир взрослых.

Обозначим несколько ключевых сторон взаимодействия.

Дети – подростки и молодежь (в том числе девочки-няни и младенцы, их подопечные).

«<Соб.: Отпускали детей одних на пруд с какого возраста?> *Лет с десяти уж купалися.* <Соб: Со старшими ребятами ходили?> *Ну да, только с сёстрами. Мальчишки если будут на пруду, так они утопят. Когда они уйдут, мы все побежим купаться. Они нас*

поймают, купают до того, что захлебнёмся» (Зап. от А. П. Комиссаровой, см. выше).

«<Соб: Девушки няньками были?> *Няньки всякие, и бабушки были старые! И девушки, и девчоночки маленькие были*» (Зап. от Е. В. Середнёвой, см. выше). «*У меня ещё тридцать восьмого года сестра-то была, да братик-от был тридцать шестого…* <Соб: Вот вы с ними сидели…> *Я вот с ними нянчилась, ну и бабушка была, бабушка-то она ещё и хозяйство вела, ёй и хлебушка надо испечь, ёй и обед… <…> Побежат ребятишки-ти, у кого мало-то ребят-то* (младших братьев и сестер. – *И.Р.*), *побежат в лес по ягоды, а лес-от был недалеко: черника была, земляника была… А я куда пойду? Дома. А как бабушка-то меня отпустит с одним с которым-нибудь, так я и не знаю, радости-то сколько у меня, что я с одним-то! А то только за руки, да и глядишь, чтобы куда-нибудь не залезли*» (Зап. от Валентины Викентьевны Вилковой, 1929 г.р. Д. Нежданово, Шарьинский р-н. Соб. И. Н. Райкова, А. Тригуб. 2011 г.).

Отношения в детском коллективе и с взрослыми (не родственниками).

«*Вот сейчас про учёбу расскажу и всё, больше ничего не буду рассказывать… Училася-училася, а ничего не получилося. А ко мне ходила дочь мельника. Вот придёт (а ведь раньше не в сумочках ходили, а в платке завяжем – и всё), и она как приходит (и голодные мы), а у её и каравай, и пироги с картошкой такие, не пресные, а дрожжевые, или на закваске – ещё лучше! Я ей говорю: "Галя <…>, ты ко мне ходи, за мной заходи в школу… но мне не кажи свою еду!". – "А что?" – Она ведь не понимала, у них и муки было, и всё. Сытые! Я говорю: "Ещё раз придёшь – я у тебя всё отниму". Она меня не послушала, на второй день заходит – и опять! Я ей: "Опять за своё!". Она: "Забыла!" – а сама выкладывает. Я говорю: "Что ж ты дома не проверяешь, что берёшь?". Мамы не было дома. Ну, мы ушли. Идём, только деревню прошли – я говорю: "Отдай хлеб мне!". Она не отдаёт. Я говорю: "Отдай хлеб! Я тебя предупреждала". А она не верит. Я у ней вырвала, взяла хлеб и стала есть. Я его съела весь, досыта наелась, ещё осталось – я в карман пихнула, думаю, это брату возьму. Вот ладно, а она пришла, видите, дочь мельника, она сразу – учительнице. Учительница старенькая была, её вот так всё время трясло. "Ну, наелась чужого хлеба?". Я говорю: "Наелась" (а я что-то и не боялася). "А за это пойдёшь в угол" – А я говорю: "Пожалуйста!". Я такая была! Как сейчас.* (Далее в красках рассказчица повествует о своих дальнейших проказах: она смешит детей из угла с печки, ее выгоняют за дверь, она набирает в болоте лягушек и подкладывает под дверь класса, отбирает за-

писку, адресованную маме, но избежать наказания не удалось. – *И. Р.*) *Ладно, думаю, я учительнице тоже…* (Рассказывает, как у соседей стащила иголочки от патефона и вколола учительнице в стул. – *И.Р.*) *Учительница как входит, мы все встали, она как сядет – как припрыгнет! Вот какая я была. <…> Алевтина Федоровна и говорит: "Это Нинина работа". Я говорю: "Нет, Алевтина Фёдоровна, мне этого не сделать. Где у меня патефон? <…> Это у кого патефон, тот и делал!"*» (Зап. от Нины Алексеевны Платоновой, 1927 г.р. Пос. Молодёжное, Нерехтский р-н. Соб. А. Горбунова, Л. Мориц. 2012 г.).

Отношения в семье.

«<Соб: А старшие дети как-то ревновали родителей к младшим?> *А как же! Я дочку-то родила, как только я ее на руки – он* (старший сын. – *Соб.*) *просится, хоть ему уже два года. Я говорю: "Нет, мы будем Наташеньку нянчить, сестричку твою". Он говорит: "А брось к овце!" Так же вот была печка, и объягнилась овечка, овца-то не любила, видно, ягнёнка, или как, <…>, за печкой-то он жил, тот ягнёнок. А он: брось, ишь, к овце. Ревновали, ревновали…*» (Зап. от В. В. Вилковой, см. выше).

Дети и война.

«*Ну, поскольку было одиннадцать лет, одиннадцатой, всё одно мы как-то ещё не так ощущали это. Это потом это всё нам сказалося. Двадцать шестого августа приехала мама, пообедали, дедушка взял пилу: "Пойдём, Валька (старшую сестру не пóзвал, он меня любил очень), пошли, Валька, в лес, дрова заготовлять, война – кто знает, сколько продлится". Вот пошли мы с им (как сейчас помню), ой, какая сухара стояла, вот мы её пошли пилить вот этой пилой – две ручки… И вот с этих пор я не выпускала топора из рук*» (Зап. от В. В. Вилковой, см. выше).

Совместная обрядовая практика детей и взрослых, дети и природный мир.

«<Соб.: А на Пасху смотрели, как солнышко играет?> *А! Да-да-да! Я даже сама видела. Ой, всё говорили, радуется солнышко, радуется… <…> Мама говорит: "Вставай, сейчас солнышко будет всходить!". На восходе-то солнышко, выходит такой красный-красный круг! И видно, уже тепло ведь становится, <…> и солнышко вылезает, и видно, оно вот так подпрыгивает! Остановится – и вот так вот поскачет! Вот так, я наблюдала долго. Вот это правильно, что радуется. <…> Это праздник, всем праздник*» (Зап. от Валентины Ивановны Власовой, 1935 г.р. Пос. Молодёжное, Нерехтский р-н. Соб. А. Горбунова, Л. Мориц. 2012 г.).

Дети и освоение родного языка.

«*У нас – "папа", а у мамы раньше "тятей" звали. А я даже и не знала. Вот когда её́ный папа умер, и все стояли, плакались: "Ой, тятя, ой, тятя!". Мы пошли домой обратно, а я говорю: "Мам, как же тебе тятя родной* (то есть кем тебе приходится тятя? – *И.Р.*) *Что за тятя?". А она и говорит, мол, как для тебя папа, так для меня – тятя*» (Зап. от В. И. Власовой, см. выше).

Как невозможно отделить детство от последующей жизни, а, напротив, следует признать его весьма ценным периодом, плавно переходящим в жизнь взрослую, так и детская традиционная культура, явление гетерогенное, полиэлементное, многофункциональное, многообразно связано с культурой взрослых в ее разных ипостасях – народной, профессиональной, массовой. Современные полевые записи помогают увидеть это явление более объемно, с разных позиций, точек отсчета, так как налицо пересечение, объединение взрослого и детского взглядов.

Для дальнейшего эффективного исследования темы нужны дополнительные собирательские усилия, полевые наблюдения и записи в городе и деревне от людей нескольких поколений, в том числе представителей одной семьи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив МГПУ и ГРЦРФ – Фольклорный архив кафедры русской литературы и фольклора Института гуманитарных наук ГБОУ ВПО МГПУ и ГРЦРФ.

Ветлужская сторона, 1996, Вып. 2: *Фольклорный сборник* [Шарьинского района Костромской области] / Под ред. А. В. Кулагиной. – Кострома: «ДиАр». 1996. – 245 с.

Ветлужская сторона, 2001, Вып. 5: *Традиционный фольклор Пыщугского района Костромской области* / Под ред. А. В. Кулагиной. – Пыщуг. – 192 с.

Мартынова А. Н., 1975, Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне. // *Русский фольклор*. – Т. XV. Социальный протест в народной поэзии / Отв. ред. А. А. Горелов. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение. – С. 145–155.

Райкова И. Н., 2011, Материнский, детский и «взрослый» фольклор: границы, переходы, влияния, совпадения. // *От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов.* Сб. докладов. – Т. 2. / Сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова, А. С. Крагин. – Москва: ГРЦРФ. – С. 43–50.

Райкова И. Н., 2012, Проблемы изучения детского фольклора в контекстных связях. // *Текст, контекст, интертекст: сб. науч. ст. по материалам Международной научной конференции «XII Виноградовские чтения»*. – Т. II / Отв. ред. А. В. Громова. – Москва: МГПУ. – С. 28–33.

Фольклорная практика, 2012, *Программа и методические рекомендации* / Автор-сост. И. Н. Райкова. – Москва: МГПУ, 2012. – 56 с.

Чухломской фольклор, 2012, В 2 т. – Т. 1. *Фольклорно-этнографические материалы* / Под ред. А. В. Кулагиной, В. А. Ковпика. – Москва: ГРЦРФ. – 440 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Экспериментальный полевой вопросник «Дети и взрослые: взаимодействие в фольклорной традиции»

Примечание: По всем вопросам обязательно уточнять, о каком историческом времени идет речь, просить информанта по возможности сравнить с нашим временем.

1 блок

1. С какого и по какой возраст женщины рожали?
2. Сколько детей было обычно в семьях? Считалась ли многодетность благодатью Божьей или большой проблемой? Как об этом говорили?
3. Были ли у родителей предпочтения по полу ребенка? С чем они связаны? Считалось ли, что женщина станет настоящей бабой, только когда родит сына? Почему? Что делали, если рождались одни девочки?
4. Что родители отвечали детям на вопрос, откуда берутся дети? Верили ли этому сами дети? Могли ли дети присутствовать при родах?
5. Как относились старшие дети к рождению младших братьев и сестер? Пытались ли избавиться от них или причинить им ущерб на почве ревности?
6. Как в народе относились к отсутствию или малому количеству детей в семье? К абортам? К детям, родившимся до или вне брака?
7. Как родители и вообще взрослые относились к смерти младенца? Что об этом говорили? Чем отличались похороны и поминки ребенка от похорон и поминок взрослых людей? Участвовали ли в них другие дети?

8. Брали ли в семьи приемных детей? По каким причинам и откуда? Каковы были отношения между родными и приемными детьми?
9. Кто заботился о детях, если умирали родители?

2 блок

10. Как строились отношения в многодетной семье? Кто занимался детьми? Какова воспитательная роль отца, бабушки и деда, крестных? Как относились к племянникам дяди и тети: а) живущие в том же доме, б) живущие отдельно?
11. Оставляли ли старших сестер, братьев дома с младшими? Как они относились к этой обязанности? Как они нянчили младенцев? Были ли случаи, когда они уходили гулять и оставляли младенцев одних? К чему это приводило?
12. Было ли принято нанимать девочек-нянь (родственниц, соседок, чужих)? Что входило в круг их обязанностей? Как складывались их отношения с подопечными? Что юные няни рассказывали, пели младенцам, как играли с ними?
13. Какое участие принимали дети в домашних и хозяйственных делах семьи? Что им доверяли взрослые, а что нет? Был ли контроль со стороны взрослых? Переделывали ли их работу, если она плохо сделана?
14. Каково участие детей в праздниках и обрядах (календарных, свадебном, например)? Что они делали в праздники вместе со взрослыми, а чего им не разрешали?
15. Сажали ли детей вместе со взрослыми за обеденный стол: а) в праздники, б) в будни? Если нет, то делали ли им отдельный (детский) стол или кормили до/после взрослых? Почему?
16. Знаете ли «домашние» прозвища членов семьи?

3 блок

17. Как отмечались именины (дни рождения) детей? Кого приглашали, что дарили, как развлекались?
18. Учили ли взрослые детей говорить, петь, плясать, водить хороводы, играть на музыкальных инструментах, девочек причитать, гадать и др.? Кто учил и с какого возраста?
19. Мастерили ли взрослые детям игрушки? Какие? Учили ли этому их самих? А какие игрушки покупали? Поче-

му? С какого возраста считалось, что играть в игрушки стыдно?

20. Играли ли взрослые и дети вместе? Учили ли бабушки, дедушки или родители детей традиционным играм? Были ли взрослые, которые занимались с компанией детей (независимо от того, чьи это дети)?
21. Были ли в семье традиционные розыгрыши, «приколы», присловья?
22. Ограничивали ли взрослые время и место детских игр и забав? Почему и как? Нарушали ли дети эти запреты?
23. Дарили ли взрослые детям домашних животных (собак, кошек, птичек и др.)? Учили ли заботиться о них? Какова была реакция детей и взрослых в случае потери питомца?

4 блок

24. Отпускали ли взрослые детей одних на реку, озеро, в лес? С какого возраста? Поручали ли старшим отвечать за младших? Через сколько времени, если дети не вернулись, начинали беспокоиться?
25. Были ли случаи тяжелой травмы или гибели ребенка без родительского присмотра? Кого в этом винили окружающие?
26. Ругались ли взрослые при детях и на детей? Употребляли ли при этом матерные выражения? А как относились к детской брани?
27. Какие еще были запреты или запретные темы для детей? В каких случаях они нарушались?
28. Как взрослые запугивали детей? Зачем? Можно ли было посылать ребенка к черту, лешему, проклинать его? Почему?
29. Как и за что наказывали детей? Спорили ли взрослые между собой по вопросу о наказаниях?

5 блок

30. Вмешивались ли родители в детские конфликты? Каким образом? Как реагировали на жалобы: а) своих детей на чужих; б) чужих на своих; в) своих детей на взрослых?
31. Посвящали ли дети взрослых в свои секреты? Если да, то кого и в какие? Если нет, то почему?
32. Отличалось ли отношение взрослых к своим и чужим детям (родственникам, соседям)? Если да, то возникали ли конфликты на этой почве и как они разрешались?

33. Обсуждали ли взрослые (братья, сестры, соседи) между собой детей, отношения с ними, проблемы воспитания? Отличались ли их взгляды; если да, то чем?
34. Обсуждали ли дети друг с другом своих родителей? Что их особенно волновало? Каковы идеальные родители, на их взгляд?
35. С какого возраста (момента, события) человек считается взрослым?

6 блок

36. Почему появляются близнецы? Хорошо это или плохо? При внешнем сходстве похожи ли их вкусы, характеры, судьбы? Одинаково ли относятся к близнецам родные?
37. Отличаются ли (если да, то чем) отношения между близнецами, просто родными братьями (сестрами, братом и сестрой) и двоюродными?
38. Чем отличаются отношения между братьями (сестрами) и детьми, живущими по соседству, друзьями?
39. О каком родстве говорят «седьмая вода на киселе»? Общаются ли дети дальних родственников?
40. Считают ли своей родней племянников жены (мужа), невестки (зятя) и т.п.? Если нет, то как их называют, как к ним относятся?
41. Одинаково ли относится ребенок к родной тете и жене дяди («тётке по дядьке»), к родному дяде и мужу тети («дядьке по тётке»)? А они к нему?

Children and Adults: Interaction in Folklore Tradition (Based on Field Records)

Summary

On the basis of the analysis of up-to-date field materials of expeditions to Komstromskaya region (poetic texts, oral stories about childhood) the article analyzes the interaction of children and adults in folklore tradition. The traditional culture of childhood appears as the heterogeneous, poly-elemental and multifunctional phenomenon, connected with life and culture of adults in multiple ways. The appendix includes an experimental field questionnaire.

Keywords: *tradition, folklore, childhood, oral story-remembering.*